

Орг. центрального
Комитета
ВЛКСМ

ДИАГНОЗ ВЛАСТИ

ОТКРОВЕНИЯ КРЕМЛЕВСКИХ ВРАЧЕЙ

БРАШЕНИЕ
Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР
Коммунистической партии, к советскому народу

ОТ СТАЛИНА ДО ГОРБАЧЁВА

**ВОСПОМИНАНИЯ
ХИРУРГА
О ВЛАСТИ
В СССР**

**НИКОЛАЙ
АМОСОВ**

Николай Михайлович Амосов
От Сталина до Горбачева.
Воспоминания хирурга
о власти в СССР
Серия «Диагноз власти.
Откровения кремлевских врачей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54815505

От Сталина до Горбачева. Воспоминания хирурга о власти в СССР:

ISBN 978-5-907024-72-4

Аннотация

Николай Михайлович Амосов, известный на весь мир хирург, проводивший уникальные операции на сердце, занимался также общественной деятельностью, много лет входил в Верховный Совет СССР, лично был знаком с советскими лидерами, в том числе с Брежневым и Горбачевым. В своих воспоминаниях Н.М. Амосов оценивает время Сталина, Брежнева и Горбачева, размышляет о сущности советской системы, делится своим мнением, почему она, в конце концов, рухнула.

Содержание

Детство, отрочество, юность	5
Мама	5
Дом Амосовых. Деревня до революции и при НЭПе	10
Школа. Пионерия. Книги	12
Череповец. Квартира. Финансы	15
Конец НЭПа, процессы, колхозы	21
1930–32 годы. Аресты. Работа на «прорыве»	26
Перед войной	32
Архангельск. Общежитие. ИТР-столовая	33
Обязанности. Авария. Работа	37
Быт. Именины. Сравнения	43
Болезнь мамы. Любовь. Дядя Павел	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Николай
Михайлович Амосов
От Сталина до Горбачева.
Воспоминания хирурга
о власти в СССР**

© Амосов Н.М., правообладатели, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

Детство, отрочество, юность (из книги «Голоса времен»)

Мама

Отец нас оставил, поэтому вся семья для меня была в маме. Самый идеальный человек на всю жизнь.

Родина мамы – север Вологодской области, деревня Суворово, 20 домов, «Медвежий угол» – буквально! Охота на белку, на лис, на медведей.

Дед имел крепкое хозяйство. В семье было пять сынов и две дочери. Дядя Павел – чекист с 18-го года, дослужился до генерала, арестован, расстрелян в 1937. Тетка Евгения – колхозница, посажена «за колоски», умерла в тюремной больнице. Слышал, что еще двух дядей убили под Сталинградом.

Мама была старшей – о ней главный рассказ.

Мама родилась в 1884 году. Умная девочка. Читала книжки. Но согрешила. Родила девочку, назвали Марией. По тому времени – позор. Замуж не возьмут.

Дед решил учить дочку. Отвез в Кириллов, нашли учителя: сдала экстерном за четыре класса гимназии.

Школа повивальных бабок в Петербурге – акушерка. Жизнь в столице: очень бедно, но интересно. В Питере мама

стала, скажем так, «средне интеллигентным» человеком. И даже атеисткой.

В 1909 году земство дало ей место акушерки на фельдшерском пункте в село Ольхово, 25 км от Череповца. Тут она и закончила свою жизнь – профессиональную и физическую. «Кирилловной» ее звали во всей округе.

Через три года вышла замуж за Мишу Амосова, в большую семью, против воли свекрови. Об этом я расскажу позднее.

В ранних двадцатых годах «аптека», как звали крестьяне медпункт, со слов мамы, оставалась такой же, как и при земстве.

Всегда было три комнаты: ожидальня, приемная, где фельдшер или акушерка вели прием больных, и сама аптека – шкафы с лекарствами, стол с аптечной кухней для приготовления лекарств. Аптекой ведала мама.

Медпункт обслуживал десять-двенадцать деревень и сел в радиусе десяти километров – шесть-семь тысяч жителей. Ближайший врач в Череповце.

Воспоминание раннего детства: перед медпунктом десятков саней и разномастные лошади, жующие сено из передка. Полная ожидальня мужиков, баб, детей – в армяках, полушубках, платках, тулупах. В лаптях, в валенках.

Главная работа акушерки – принимать роды на дому, от 100 до 150 родов в год. Две трети из них – в других деревнях, иногда за 8–10 километров.

Помню такие сцены. Ночью стук в дверь. Мама встает, зажигает лампу, накидывает платье, открывает дверь в сени. Слышу разговоры примерно такие:

– Кирилловна! Марья родит. Поедем, бога ради!

Мужика впускают в избу, он приносит запах мороза и сена. Усаживают на кухне. Дальнейший разговор: какая Марья, давно ли «схватило», которые роды, приходила ли на осмотр.

Мама уже оделась, бабушка тоже встала, крестится на икону. Я лежу, вида не подаю, что не сплю. Прощальные поцелуи у нас не приняты.

– На, неси ящик.

Был такой особый ящик для акушерских принадлежностей. Довольно тяжелый – много всего с собой брала: в некоторых избах было грязно.

Мужик забирает ящик, мама надевает тулуп, и они отправляются в ночь. Вот скрипнула калитка, у нее был особый скрип, до сих пор не забыл.

Бабушка тушит лампу, забирается на печку, зевает, шепчет молитву.

Все замолкает, и я засыпаю.

Утром мой первый вопрос:

– Мамы нет?

– Больно скоро хочешь. Туда шесть верст, небось снегу намело. Слышь, воет в трубе.

Я слушаю, и мне видится метель: дороги нет, и лошадь, и мужика, и маму занесло снегом.

Пока маму не привезут с родов – в доме тревога. Как там? Что?

Обычно бабы рожали быстро и раньше времени акушерку не тревожили. Мама возвращалась через восемь – двенадцать часов. Но иногда задерживалась на сутки и на двое – у «первородящих». Я это слово знал с раннего детства.

Но вот наступил вечер, а мамы нет. Я уже не отхожу от окна. Поздно ночью слышу, как бабушка становится на колени перед иконой и громким шепотом творит молитву:

– Господи, разреши от бремени рабу твою Марью. Господи, яви божескую милость к рабе божьей Елизавете, помоги ей. Под молитву я засыпаю: бабушка водит меня в церковь, я знаю о Всемогущем.

Под утро слышу скрип калитки.

Радость – мама приехала.

Мы постоянно жили при родах. Каждый третий-четвертый день мама уезжала или уходила со своими вещами. Иногда с одних родов прямо на другие, потом – на третьи. По неделям дома не бывала. А мы с бабушкой жили в постоянной тревоге (она не только молилась, но и ругалась: «Ишь, прорвало их, б...й!» – грубая была старуха).

У мамы за двадцать четыре года работы на три с лишком тысячи родов умерла одна роженица. Примерно пять она возила в Череповец, там им делали операции, и, кажется, тоже все остались живы. Видимо, деревенские женщины были крепкие, тренированные.

Было в интеллигентской среде слово «бессребреник», тот, кто «не берет». Акушерки всюду принимали (и теперь грешат!) подношения – «на счастье дитя». Так вот, моя мама не брала. При крайней бедности, во все времена. Вообще никогда не видел лжи, хитрости, всегда доброжелательность и доверие к людям. Все о ней так говорили.

Очень вспыльчивая была. То же и на меня: за пустяк, не разбираясь, схватит и отшлепает. Потом жалеет, я видел. Не обижался.

И веселая. Голос был такой звонкий, что разговоры слышно было с другого проулка. Говорили: «Вон Кирилловна идет». Не помню сильно плачущей. Когда уже совсем допечет – смахнет слезу, и все.

Не хочется говорить банальности, но работа была главным смыслом в жизни. Она жила жизнью деревни и ни за что не хотела ее менять.

Дом Амосовых. Деревня до революции и при НЭПе

Ольхово – большое село, домов двести, центр волости. Главная улица тянулась километра на три. Мостовых не было, и грязь по осени и весне была ужасная. А летом – пыль. Двухэтажная школа стояла на самом дальнем конце села, над рекой, а наш дом – на противоположном, километрах в двух.

Старый дом Амосовых тоже помню: хороший, под железной крышей. «Зимовка» – большая кухня с двумя маленькими светелками и «летний дом» по городскому типу: кухня и три комнаты.

К дому через сени примыкал скотный двор с большим сеновалом.

Во дворе высился журавль над колодцем. На участке был огород и сад с яблонями, малиной и смородиной.

В общем, было нормальное хозяйство, называлось «середняцкое».

Село Ольхово при нэпе помню отлично. Бабушка говорила, что так же было и при царе.

Жили бедно. Корова, лошадь, пара овец, куры. Посевы – 3–4 гектара. Многодетные бедствовали: Хлеб – не досыта, с добавками картошки. Мясо – только в праздники и в страду. Молоко – в обрез. Самые бедные одевались в домотканое. Но лапти носили только на покос и в лес – уже была культура.

Сельский кооператив с маслодельней и «лавкой» был центром общения. Правда, была изба-читальня, она же клуб. Кино стали привозить в 1924 году.

Разнообразие в жизни создавали престольные праздники.

Политических страстей не помню. При нэпе крестьяне были лояльны к власти.

Школа. Пионерия. Книги

Пожалуй, можно перейти к сути дела, к своему детству. Оно было необычным для деревни: до школы с ребятами не общался. Так и в школу пошел – одинокий. Прямо-таки барчук! Читать тоже не умел. Помню только, что много рисовал, фантазировал, больше о войне. Гулять не любил: зимой чуть не силой выгоняли «дышать воздухом». В общем – рохля и рохля! Неправильно воспитывала мама.

Зато школа стала событием. Одна учительница учила два класса: первый и третий. Меня посадили со старшими, у первоклассников места не оказалось. Тут я быстро выучил буквы и стал читать. «Робинзона Крузо» прочел за три месяца. Но школа сначала не нравилась: очень много шума, ребята буйные, все незнакомые. Не было контакта. Даже на переменах я не выходил из-за парты. Освоился только к рождеству.

В первое школьное лето барство с меня слетело: бегал босиком, дни проводил с товарищами на речке. Но все равно остался неловким: не научился плавать, не дрался, плохо играл в городки, в лапту, не умел ездить на велосипеде, танцевать. Всегда ощущал свою неполноценность. Удивляюсь, как это стал хирургом: ручная все-таки работа!

Учился хорошо, но учили плохо. Условий для этого не было – учебников, бумаги, умения преподавать. Впрочем, нашу учительницу, Серафиму Петровну, вспоминаю с удоволь-

ствием.

В 1924 году организовался отряд пионеров. Это было очень интересно. Тогда же у меня появился первый чин – заместитель вожатого отряда. Такое хорошее было партийное начало – и не получило продолжения!

Общественная работа кипела: сборы отряда, «проработки» нерадивых, походы, стенгазета. Даже участвовал во взрослом драмкружке. На митинге к седьмой годовщине Октября на площади стихи читал! Помню, как в 1924-м году пришел дядя Саша и сказал, что Ленин умер. Нет, не жалели, не слышал.

В пионерии сложились «политические убеждения»: все богатые – плохие, бедные – хорошие. Революция справедлива – равенство. Белогвардейцы – звери. Имена: Ленин, Троцкий, Зиновьев. О Сталине не слышал.

Еще одно: организовал школьный кооператив – тетради, карандаши.

Красные галстуки привились легко, а вот с трусами было плохо – старухи протестовали: «Стыдобушка!» Случалось, ребята самовольно – ножницами (или даже топором!) – укорачивали подштанники, чтобы получились трусы.

В общем, ничего выдающегося в моем деревенском детстве не было. Река, лес, луг, игры. Лидером по части забав не был. Уважали, что хорошо учился. А летом – работа: сенокос, жатва, молотьба. У нас было тогда скромное, но хозяйство: корова Лушка, собака Арфик, кошка, куры. С 12 лет я

был главный работник.

Почему-то не помню, чтобы готовил дома уроки. Наверное, не задавали: много новаций пережила школа.

Читал много книг – библиотека была хорошая. Особенно запомнилась толстая «История Великой французской революции» Карлейля.

В школе все было интересно – шла общественная работа в пионерии.

В 1926 году кончилось мое счастливое детство, и началась довольно грустная жизнь.

Нужно было учиться дальше. Для этого надо ехать в чужой город – Череповец, поступать в школу второй ступени.

Череповец. Квартира. Финансы

Мы приехали на пароходе, мама свела в школу – держать экзамен. Что-то писали, решали задачи, был уверен и не волновался. Познакомился с Леней Тетюевым, другом на целых сорок лет. Вернулись в Ольхово и ждали извещения о приеме. Помню, думалось: «Хотя бы не приняли». Но тут же: «Надо!» И так пошло на всю жизнь: «Надо!» «Надо!»

Пароход «Кассир» ходил от Череповца до Ольхова, ночевал у пристани и в 4 утра отплывал обратно. Такое себе суденышко с дизельным двигателем. Даже сейчас слышу: «Тук-тук-тук» – над рекой.

Горько плакал, когда один пришел с пристани в свою комнату у Александры Николаевны. До 15 лет меня охватывала лютая тоска по возвращении из дома. В одиночестве, со скупыми слезами.

Почти весь период жизни в Череповце прошел тоскливо. Не было счастья. Полегчало лишь в последние годы, когда появились новые интересы.

Мама поселила меня к своей лучшей подруге Александре Николаевне Доброхотовой. Она учительствовала, жила одна, имела маленький домик, было две комнаты и кухня: площадь метров 20, потолки низкие. Учителя жили нищенски, хуже, чем мы – у нас дома огород. Электричество было дорого, освещались лампой. Пищу готовили в русской печке.

Мне полагалось носить воду от колонки, колоть дрова, чистить тротуар.

Александра Николаевна была отличным человеком и прекрасной учительницей. К ней часто приходили такие же одинокие, как она, коллеги, и разговоры были только об учениках. С тех пор школьные дела остались близки моему сердцу (вспоминаю ее, маму, их подруг – и умиляюсь, до чего все-таки люди были преданы своему делу!).

Как я уже упоминал, отец давал мне 15 рублей в месяц. Пять рублей платил за квартиру и на 10 должен был питаться. Два раза в месяц надо было ходить за деньгами к отцу в Губсоюз – там он занимал хорошую должность.

До чего же тягостны были для меня эти походы! Бывало, подойду к лестнице на второй этаж, постою, вернусь, похожу по улице: но куда денешься? У мамы денег не было – училась в институте сестра. Поднимусь, вхожу в комнату – это контора с несколькими столами, его – главный. Подойду, поздороваюсь, он всегда выглядел добрым.

– Папа, мне нужно денег.

– Сколько тебе?

Первого числа я отвечал – десять, а пятнадцатого – пять рублей. Он каждый раз задавал этот вопрос, но я ни разу не попросил больше. А он не предложил.

Все закупки делал сам. Всегда хватало денег: педант с детства. Не так уж плохо питался на 10 рублей. Суп с мясом (1 кг на месяц!), на второе гречневая каша с коровьим жи-

ром – его в плошке растапливали в русской печке, он тут же застывал. Утром и вечером – чай с хлебом без масла, сахар вприкуску. Витаминов мало, поэтому по весне всегда болели глаза. Но других болезней не помню. За все годы своего учения не помню, чтобы пропустил уроки.

Два раза в месяц ходил в кино – 20 копеек, в первых рядах. Изредка покупал на лотке ириску – 1 копейка. Шоколадных конфет не пробовал ни разу.

Одевался бедно – мама обшивала себя и меня. Были две ситцевые рубашки, одинаковые, серенькие. Еще была суконная курточка, перешитая из старья. Матрацную наволочку осенью набивали соломой на весь год. К весне она превращалась в труху и спал уже на досках. Простынь была, под одеяльника не полагалось. Одеяло ватное, лоскутное.

В баню ходил раз в две недели. Стирать белье возил домой.

Образ жизни (скучные слова!). Такой был и «образ».

Вставал в семь, ложился в десять. Ни разу не нарушил режима.

Невесело жил. Но не скучал. Только сильно тосковал по маме и по дому. Через две-три недели обязательно бывал в Ольхове. Осенью и весной – на пароходе, зимой ходил пешком. Много раз я вымерял эти 25 км.

Учиться нравилось: все легко давалось, был первым, даже старостой класса – журнал посещений доверяли. Но «не высывался». Станные были порядки: оценки – «уд» и

«неуд». Равенство? Глупость?

Уроки не готовил. Заданий мало, все успевал делать в классе. Даже сочинений дома не писали. Между прочим, учителя были дореволюционной выучки. Только правильно писать не научили – до сих пор ошибки делаю.

Было и слабое место – физкультура. Неловкий, стыдился, хотя сила была. Поэтому хитрил, даже сбегал с уроков. Петь тоже не мог: ни слуха ни голоса. Музыку не слушал, электричества и радио у Александры Николаевны не было.

Любимый предмет – литература. Все читал, все знал, учительницы были умные.

Не помню, чтобы на переменах бесился, как полагалось мальчишке. Все потому же: «рохля». В драках не участвовал, меня не били, потому что был сильный, сам не задирался. За всю жизнь ударили однажды – еще в Ольхове.

Вне школы с ребятами не общался. Порядок такой: пришел из школы, пообедал, помыл посуду и читать.

Это и было, как говорят: «Одна, но пламенная страсть».

Книги. Состоял в трех библиотеках, детской, взрослой городской и школьной. Кроме того, в чулане у Александры Николаевны были «приложения к Ниве» за несколько лет – собрания Горького, Куприна, Андреева, Бунина, Сервантеса, Золя. Комплекты приносил и прочитывал «от и до». Гоголя и Пушкина уже раньше знал, в Ольхове. Еще читал всю новую литературу, что приходила в городскую библиотеку – в 20-х годах еще свободно печатали «попутчиков». Конечно,

был Есенин, кумир молодежи. Но мне больше нравился ранний Маяковский: Строчки из «Облако в штанах» до сих пор помню. Вся моя «образованность» выросла из беллетристики, научных книг читал мало. Разве что историю.

Общение. Первые четыре года домашних друзей совсем не было, только в школе. Пионеры не понравились, комсомола даже не попробовал. Однако культурные «мероприятия» были. Во-первых, театр. Для школьников по субботам билет последние ряды – 10 копеек. Выходной одежды не было, немного смущался, но преодолевал. Еще ходил на публичные лекции. Еще помню «чистки партии»: здорово драили!

Историю как предмет нам не преподавали, было «обществоведение». Я был «за революцию и социализм». Мама и Александра Николаевна в основном тоже. Верили, что власть – для народа, и надеялись на будущее. О ЧК говорили шепотом.

Вел дневник. Неблаговидное о себе тоже писал, но по-немецки. Тетрадочку позднее взяла моя «любовь» и не вернула.

О любви. Конечно, влюблялся, и очень рано. Под домом ходил. Сирень в окна бросал. Но писем не писал и слов не произнес. Предметы: сначала Шура Венчинова, потом Валя Шобырева, особенно долго. Влюбленность чистая, в постели себя воображал с другими. Да, романтика была, мотивы в уме звучали.

Самое счастливое время – каникулы. От деревенских приятелей отошел сразу, как попал в Череповец. Общался с сестрами, они жили рядом. Пока вели хозяйство – была работа: сенокос, картошка, огород. Грибы, ягоды собирал в лесу. Все вместе не очень много времени занимало. А в зимние каникулы даже этой работы не было. В 1928 году организовались колхозы и хозяйство ликвидировали – остался только огород. Все свободное время лежал на диване и читал книги. Мама называла «книжным червем» и грозилась продать диван.

Конец НЭПа, процессы, колхозы

В восьмом классе, на границе 15–16 лет, я сам и жизнь изменились.

Даже и страна. Нэп кончился, началось движение в социализм.

В классе были «лишенцы» – дети, у которых родители относились к «нетрудовым элементам», лишенным избирательных прав. Это все «бывшие» дворяне, купцы, кулаки, попы. Мы знали о таких детях, но «дискриминации» не подвергали – слишком абстрактно для мальчишек.

За съездами партии не следил, но был в курсе дела: планы индустриализации. Первая пятилетка. «Левый уклон» – Троцкий. Дальше – «правый уклон»: Зиновьев, Бухарин, Рыков. Но пока их только ругали, не судили. Знали слово «вредители»: «Шахтинское дело», «Промпартия».

Пошло наступление на кулака – сначала налогами, а потом раскулачиванием. Образовались колхозы, сплошная коллективизация. Партия посылала читать мужикам «Головокружение от успехов» даже нас, восьмиклассников. Началось массовое бегство из деревни наиболее предприимчивых мужиков. В том числе и на «стройки социализма». Уверен, что без коллективизации и арестов партия бы не построила пятилетки.

На рынке ломали ларьки и магазинчики частных. За год

все товары исчезли. Ввели талоны, а потом и карточки.

Мама в колхоз не вступила, определилась как служащая и ликвидировала хозяйство. Это уже назревало – работать некому. Мы уже жили в новом домике – маминой личной собственности, хотя с долгами. Маруся кончила институт и поехала на врачебный участок за 20 км. Отказались от папиной помощи и даже купили мне ботинки вместо деревенских сапог.

Между тем идея социализма уже укоренилась в умах «малой интеллигенции», и не помню, чтобы мама и учительницы у Александры Николаевны роптали на коммунистов. Конечно, мама переживала за «баб», что плакали, отводя скотину в общественные дворы. Но это относили за счет «ошибок». ГПУ еще так не свирепствовало, как в 37-м, богатеев в наших деревнях было мало, поэтому раскулачивание в Ольхово шло сравнительно легко.

Школьные дела тоже изменились: после 7-го класса многие ученики отсеялись. Создали один класс из двух. В средних школах ввели специализацию – «уклоны». Нам достался «лесотехнический»: инженеры из леспромхоза читали лекции. Было ново и интересно: «таксация», «геодезия», «лесоустройство». Зачетов не устраивали, но водили «в поле» – работать с приборами. Чего еще лучше?

Любовь. Валя Шобырева из нашего класса. Каждое утро, как шел в школу, глядел, не появится ли из-за угла черный берет с красным помпоном. Лицо, как сейчас вижу, очень

красивое. Было «тихое воздыхание», никаких провожаний, встречаний и записок. Не скажу, что пользовался взаимностью, так – благосклонность. Был даже соперник – школьный поэт.

Странное это чувство – отроческая любовь без сексуальности. Кажется, так пели: «только сердце от чего-то сладко таяло в груди». Притом что грешные желания были, но к другим предметам, к взрослым женщинам.

На летнюю практику в лес мы поехали вчетвером: Валя, Шура Ванчинова, Коля Чернышов и я.

Маленький лесной поселок с конторой, с заводиком, службами. Встретили как взрослых. Выдали продукты, отдели комнату в новом недостроенном доме – одну на всех. Мы, мужчины, устроились в углу за печкой, девочкам – лучшее место. Молодой техник (ревновал!) два дня водил в лес и показывал, как отводить лесные делянки и пересчитывать в них деревья.

Вечером девочки варили суп из мясных консервов. До этого о консервах только читал в романах.

Сплошной праздник жить в одной комнате с любимой! Через несколько дней отправились в «настоящий лес» еще за 20 км. Дали нам в помощь двух лесников. Поселились в лесной избушке, с нарами, очагом в центре, маленьким оконцем без стекла и тучами комаров. Спасались только дымом.

Работали с утра до вечера: мужчины измеряли (инструмент – «мерная вилка»), кричали цифры, девочки записыва-

ли на фанере. Уставали. Вечером лесники варили вкусный «кулеш» из консервов и крупы, чай в котелке, еще – вяленая вобла. Спали на голых нарах из отесанных жердей, подстелив одежду. Очень хотелось поцеловать Вальку, приложиться, как к иконе, но не решился. Работу сделали за семь дней и вернулись на базу. Прошла одна из самых счастливых недель моей жизни.

Дальше все было плохо.

Вернулись. Заявились в контору, к этим молодым и красивым техникам. Написали отчет. Потом нас с Колькой отправили в лес, а девочек оставили.

Второй заход в лес был очень грустный. Совершенная глушь, вырубки, пустоши. Болота, кочки, комары. Кукушки тоскливо кукуют. Ветрено, деревья скрипят. Дождики, крыша в землянке течет. Мужики неприятные. Работа непродуктивная – измерять и самим записывать, лес редкий, кусты.

А там, в леспромхозе, осталась любовь в окружении мужчин.

Через неделю я люто затосковал. Поздним вечером сидел перед дымным очагом, смотрел на огонь и думал горькие ревнивые думы, сжавши зубы, чтобы не заплакать. А тут еще забытый дневник. Что тут ждать хорошего?

Результат – я сбежал с практики. Симулировал болезнь и рванул на станцию прямо из леса, вещи на Колю оставил.

Приехал домой. Сочинил «легенду». Мама была рада. Не думаю, что она поверила, но напрямую не пристыдила. Про-

сто пропустила мимо ушей. Зато Маруся как-то потом сказала: «Все ты выдумал!» Я не упорствовал.

Написал письмо Вале на лесспромхоз с тем же враньем. Стыдно было признаться. И стал ждать ответ с большим страхом.

Письмо пришло через месяц, уже из Череповца. Очень грустное: «Я все прочла. Поняла, что сбежал. Очень жаль, что ты такой». Обидных эпитетов не было, признаний, что любила, – тем более, но дело ясное – конец!

Все у меня сжалось внутри.

– Что ж, заслужил – получил.

Я не помню, чтобы произносил клятву, но чувствовал без слов:

– Никогда больше не допущу.

Чего «не допущу?» – позора перед людьми? Греха перед Богом? Ни то, ни другое. По-прежнему считал себя главным судьей своих поступков. Выше людей. И не верил в Бога. «Не допущу слабости». Что это было? Пробуждение совести? Еще нет. Была гордыня.

Только много позднее сформировался другой внутренний закон – уважение к чувствам других людей, не причинять им горя. Права не имею! Сам слаб и грешен.

1930–32 годы. Аресты. Работа на «прорыве»

Грустно закончилось то лето: лежал, читал. Куприн, Арцибашев...

Перед первым сентября приехал в город, прибежал к Ленке и узнал потрясающую новость:

– 9-го класса не будет. Учеников распределяют: кто хочет остаться дома – в механический техникум, другие – в Ленинград, в Ораниенбаум, учиться на лесника. Уже идет запись. Валя записалась. Ты как?

– А ты?

– Я и почти все остаемся. Денег нет в Ленинград ехать.

И я остался, вроде бы по той же причине: знал, как тяжело досталась маме Маруся. Только-только вздохнула – и чтобы опять: да и стыдно было перед Валею. К тому же одеть нечего, очень беден для Ленинграда.

Записался в техникум вместе со всеми. Из нас, школьников, создали отдельный класс, зачислили на второй курс.

Техникум был основан еще в прошлом веке, выпускали механиков. Назывался «Александровское техническое училище».

Теперь индустриализация страны вдохнула новую жизнь: готовить техников для лесной промышленности и электростанций.

«Школьников» стали ускоренно обучать, чтобы догнать основных студентов-«техников». Занимались по восемь часов: математика, физика, химия, механика, черчение. Потом пошли специальные предметы – паровые котлы, машины, турбины. Учили много, но плохо. Была эпоха «бригадного метода»: пять человек вместе готовили уроки, отвечал один от всей бригады.

Зато дали стипендию – 30 рублей! Обедали в столовой, недорого, но жидко и порции малы. Домашние обеды прекратились, все давали по карточкам, хлеб черный, 400 г, а вместо сахара – песок, который я тут же съедал. Не голодал, но и сытым не был. Наедался только у мамы: бюджет ее поправился, когда у детей появились свои получки.

Жизнь менялась на глазах.

Рыночная площадь опустела, частная торговля исчезла. Город быстро расстраивался: мужики перевозили дома из деревень – спасались от колхозов. Культура хирела: прекратились удешевленные спектакли. Открылся торгсин – государство собирало золото и серебро на индустрию. Я в магазин не заходил.

В стране шла тотальная зачистка – арестовывали бывших офицеров, эсеров, меньшевиков, дворян, купцов. Не скажу, что нас, ребят, это сильно трогало: народ все бедный, аресты коснулись лишь нескольких человек.

Моя жизнь значительно изменилась. Валя уехала в Ленинград. Я ее не видел. Тоска осталась, но как-то притупилась.

Отболело.

Зато мужская компания расцвела. У Ленки Тетюева открылся музыкальный талант – стал играть на гитаре, мандолине, на трубе в оркестре. Все мальчишки начали курить. Я не поддался, но на «посиделки» ходил. Однако к десяти часам всегда возвращался. Маме писал каждую неделю, но ездить стал реже.

В большом темпе мы проучились почти до нового, 1931-го года.

И тут пятилетка нас настигла: отправили на «ликвидацию прорыва» в лесопильные заводы на север, за Белое озеро. Там остро не хватало рабочих.

Шли пешком, расстояние около двухсот километров. Мороз 20–30 градусов, выдали фуфайки, ватные штаны и рукавицы. Валенки у всех свои.

На Кемском заводе я попробовал рутинную жизнь рабочего и понял классовую ненависть.

Работа была тяжела и однообразна – отвозить доски на вагонетках и складывать в стопы. К обеденному перерыву уже вымотан, а после еще четыре часа тянуть. В общежитие сначала приходил чуть живой. Потом втянулся.

С ужасом представил: если бы так на всю жизнь? Понял, почему культурные рабочие шли в революцию – завидовали. И я бы пошел.

Жизнь большой компании не тяготила. Народ подобрался хороший, не пьянствовали и не хулиганили. Вот только же-

стоко обовшивели – спали вповалку, мылись редко, дезкамер тогда не было. Без малого четыре месяца проработали, социализму помогли.

После прорыва мы все как-то повзрослели. Я чуть не через день ходил к Тетюевым, девушки приходили, разговоры вели. Ленька собрал струнный квартет. Танцевали. Но не я. Так и не выучился. Комплексовал.

Техника мне понравилась, читал по паровым турбинам, котлам, дизелям. Изобретал машину для укладки досок в стопы. Делал чертежи.

Учились без каникул до июля и сразу же поехали на новую практику, на этот раз под Ленинград, на целлюлозно-бумажный комбинат.

Там снова была тяжелая работа кочегаром в котельной.

Очень хотелось повидать Валю. Ораниенбаум – вот он, рядом, час езды от Ленинграда, только в другую сторону. Уже знал, что она вышла замуж, но все равно хотя бы взгляд. О моей любви, конечно, не знали, но повидать одноклассников согласились. Поехали компанией в воскресенье.

Запомнился бескрайний парк, болтовня с приятелями об учебе – они будут лесничими – и короткое свидание при людях с замужней женщиной Вале́й.

– Все очень хорошо, муж – студент, любит, имеем комнатку в общежитии.

Вот так: «Все прошло, как с белых яблонь дым...»

Нет, не сразу прошло, года два еще болело, девушки не

направились.

После практики был месяц отпуска: мама, диван, книги («книжный червь»).

В сентябре умер отец. Мы работали на разгрузке дров с барж, близко от города: возили на тачках на крутой берег. В обед бригадир сказал:

– Батяка у тебя умер. Поезжай хоронить.

Никаких чувств не пробудилось.

Сiju около гроба, смотрю на мертвое лицо, думаю о его прожитой жизни.

Гроб до кладбища несли на плечах. Я тоже нес всю дорогу. На поминках не был, да и не помню, чтобы приглашали. Зато помню (о, подлая память!), как на пути с кладбища купил красный ломоть арбуза – первый в жизни. Помянул.

Ни разу могилу не посещал. Немного места в душе занимал отец, а теперь совсем вычеркнул. А мама плакала:

– Хороший был человек.

С осени меня одного из «школьников» перевели к «техникам»: их предполагалось выпустить досрочно. Пятилетка требовала.

В новой группе я был самый бедный – у меня единственного не было пиджака, его заменял джемпер Маруси. Оглядываясь, скажу – лодырь. Мог бы подработать, сила и время были. Так нет, только книги и треп с друзьями.

Уроки по-прежнему не готовил. Но положение в новом классе завоевал. На девушек совсем не глядел, хотя любо-

пытство (все по Фрейду!) имел. Всю жизнь с ним прожил, с сексуальным любопытством.

Занятия кончились как-то внезапно – послали на практику на полгода, разбросали по лесопильным заводам. Я попал в село Луковец, 12 км от города.

Проходили практику «на рабочих местах». Я – машинистом на паровой машине. Это было интересно и нетяжело. Заработал на тужурку из шинельного сукна и – наконец! – купил полушерстяной черный пиджак, самый дешевый.

Сразу после практики объявили мне и Севке Милославу выписали путевку в Архангельск, на лесозавод имени Молотова. Прибыть 25 октября.

До отъезда был еще отпуск: путешествие с мамой по Шексне и Волге в гости к Марусе. Обрато ехали поездом с заездом в город Арзамас к дяде Павлу, начальнику НКВД, и в Москву на два дня.

Последние недели сидел дома под окном, непрерывно лил дождь, а я читал «Братьев Карамазовых», потом всего Достоевского подряд. Настроение было соответствующее.

Юность закончилась. Счастливая? Пожалуй – да.

Перед войной

(из книги «Голоса времен»)

Архангельск. Общежитие. ИТР-столовая

Поздно вечером мама провожала меня на пароход – окончил техникум, еду на работу в Архангельск. Дорога к реке через луг. Было удивительно тепло. Не помню точных слов, но мама говорила приблизительно так:

– Провожала твоего отца на войну, так же было тепло, конец сентября в девятьсот сорок четырем. Счастья после этого уже не было. Вот теперь ты уезжаешь.

Дышала неровно: сдерживала слезы. Не показал, что заметил. К чему углублять горе? Смутно было на душе. Ничего не ждал хорошего. Жалко своего места дома у окна, книг. Мама сдержалась и не зарыдала, когда обнимала меня перед сходами.

«Кассир» медленно зашлепал плечами и отвалил. Под керосиновым фонарем на пристани растаяла во тьме женская фигура в платке. Тогда только представил, как она побредет одна в темноте. Сжалось сердце.

Ехали с Севкой Милославовым, однокурсником.

Вещи: самодельный чемоданчик, обитый белой клеенкой. В нем Маяковский, пирог «помазень», бельишко, две простыни. Еще узел: лоскутное одеяло, подшитые валенки, подушка – все упаковано в матрацную наволочку. Ее набить соломой или сеном – и будет матрац. Одежда и обувь вся на

мне – тужурка из шинельной ткани, брюки, перешитые из отцовских, пиджак. Старые ботинки и калоши. Бедность не порок, но узел раздражал своим полосатым видом.

Дорога Череповец – Архангельск. В Вологде пересадка. Страшная давка на вокзале. Посадка – штурм, уборная – проблема, поспать – если захватишь третью полку, на второй сидят. Мат и вонь. Великое переселение народов: крестьяне едут на Север, спасаются от колхозов. Часа через три все утряслось, место уже не займут. На остановке стоим с кружками у будки «Кипяток».

Архангельск. Станция на левом берегу, город напротив. Мрачный полдень, грязный истоптанный талый снег, широкая пустая Двина. Все деревянное – вокзал, перрон, склады, пристань. Пароход «Москва», почти морской, с высокими бортами. Длинная очередь на переправу в город.

Переплыли. Близко от пристани нашли «Дом крестьянина», оставили узлы в камере хранения. Расспросили дорогу. Долго-долго ехали трамваем вдоль города. Лозунг: «Даешь пятилетку в четыре года!» Снова переправа – через Кузнециху, рукав Двины, в Соломбалу.

С трудом разузнали дорогу на наш завод «имени Молотова». Там электростанция, куда нас распределили. Болото, на сваях – эстакада из досок, покрытых слоем грязи. Вдали маячит труба: «Вон ваш завод». Снег с дождем, темнеет. Измучились. «Не добраться!» Оставили чемоданы в крайнем домике. Нет, не боялись, что украдут. Вернулись в Дом кре-

стьянина: койка, столовая, кипяток. «Правда» на стене под стеклом. Комфорт.

Утром легко добрались. Пешком пять километров от города. Весь завод и поселок на щепе, слой два метра. Нигде ни кустика. Поселок: деревянные одинаковые двухэтажные дома и дощатые бараки. Река, на берегу огромные штабеля бревен, два низких деревянных корпуса лесозаводов, внутрь по желобам из бассейна ползут бревна. Непрерывный металлический скрежет транспортеров. Этот звук над поселком до сих пор стоит в памяти.

Электростанция дает ток в общую сеть на город и лесозаводы. Их в окружности пятнадцать, пилят доски на экспорт: «валютный цех страны». Наш – самый молодой и большой, «стройка пятилетки».

Станция считается временной, поэтому у нее деревянный корпус в четыре этажа и железная труба. Транспортеры на столбах тянутся от корпусов завода, по ним плывет щепа внутрь станции и дальше, на склад.

В поселке нашли контору. Директор (из рабочих) недоверчиво оглядел: мальчишки, мне восемнадцать, Севке девятнадцать. Но зачислил сменными техниками, иначе – сменный мастер, сменный механик. Можно назвать и совсем пышно – «начальник смены». До нас они все были из рабочих (вот были времена – начальник в 18 лет!).

Выдали пропуска, карточки, талоны на столовую: не шутите, для ИТР (инженерно-технических работников)! Тут же

отсчитали подъемные и дорожные – около двухсот рублей. Таких денег отродясь не видел. Зарплату назначили 125 р. плюс «ночные». Маме 50 послал, и еще останется.

Проводили в общежитие, в дом на краю поселка.

Комната на первом этаже, стены нештукатуренные, пять деревянных кроватей с досками. Стол под газетой, хлеб, кружки, тараканы. Ведро с водой, жестяной таз. Три табуретки, одежда на гвоздях в стене. Следы клопов. Печка, дрова. Уборная во дворе.

Уже живут трое механиков, как мы. Познакомились. Рассказали, где набить матрацы – есть только стружка. Соорудили постели – ватное одеяло из цветных лоскутков немного смущало. Ничего, народ простит.

Потом ходили в столовую. Отличная! Никогда в жизни так не ел.

Обязанности. Авария. Работа

Станция. Я вижу ее до мелочей даже с открытыми глазами. Маленькая дверь с улицы в машинный зал, через которую мы вошли в первый раз. Сразу окутал ровный гул турбогенераторов.

В машинном зале на высоких фундаментах две турбины – большая на 5000 киловатт и малая на 1600, куплены старыми. Здесь же распределительный щит. Тут царствовали щитовой монтер и машинист. Они сидели за столиками и каждые полчаса записывали показания приборов.

В котельной на бетонном полу смонтированы четыре паровых котла. Высота в три этажа, с железными трапами и лесенками. Вверху у водомерных стекол и манометра сидели водосмотры. Они регулировали поступление воды в котел. Они же давали гудки.

На втором этаже стоял кочегар. Он смотрел за топкой и регулировал подачу топлива. В самом низу, где вентиляторы и насосы, работали два подростка-золищика, их обязанность – выгребать золу. Главным в котельной был старший кочегар.

Больше всего хлопот доставляла топливоподача. Станция работала на древесной щепе и опилках – отходах после распиловки бревен. Щепа подавалась на станцию к котлам и на склад по ленточным транспортерам. Они тянулись через за-

водской двор на высоких столбах. Для работы на складе была команда из двенадцати девушек во главе с их «бригадиршей».

Сменный техник – командир над всей сменой.

Собственно, никаких специальных обязанностей у него не было – обеспечить выполнение графика нагрузок и все. Топливо не экономили. Щепы – избыток, ею засыпали территорию поселка. Вся беда в неритмичности. Если завод стоит, все равно надо давать энергию в сеть. Вот и начинается аврал. Особенно в «часы пик», зимой – утром и вечером – давай 6000 киловатт и никаких разговоров! Диспетчер из города не даст покоя сначала щитовому монтеру, потом сменному технику, потом и директору.

Всего одну неделю мы стажировались и заступили на свои смены. Не было особых трудностей. Помню только первую аварию ночью. Лампочки начали ярко светиться, машинист кричит:

– Сейчас вырубит!

Это значит: наш участок сети отключился от системы, нагрузка упала, турбины идут вразнос и срабатывает автомат, пар закрыт – турбина отключилась. Тут начинается настоящий ад – свет гаснет, предохранительные клапаны на котлах травят пар под крышу со страшным свистом, дымососы останавливаются, пар, дым и искры заполняют всю котельную. Молодые рабочие убегали от котлов на улицу. А ты – командир, за все в ответе!

Конечно, у каждого рабочего на такой случай инструкция, но нужно, чтобы они не растерялись, сделали все как положено. И чтобы, боже спаси, не загорелась деревянная коробка здания.

В первый раз я тоже испугался, толку с меня было мало, в полутьме заблудился на лестницах, но все обошлось – ребята дело знали. Потом уже не боялся. Если сравнить с кровотечением при операции на сердце, такая авария – детская забава.

Освоение профессии прошло успешно и довольно быстро. Через пару месяцев я уже мог заменить любого из рабочих, исключая щитового монтера и машиниста – они не доверяли мне своих дел.

Кроме нас с Севкой были еще два сменных техника. Оба они практики, теорий не знали. Дружбу с ними не водил.

Моложе меня на смене были только зольщики. Все звали Колей и на «ты», но уважали. Наверное, за работу, за простоту без панибратства. Не знаю за что, спрашивать не приходилось.

Смена была хорошая. Старший кочегар Коля Михайлов, почти ровесник – сын эмигранта, поэтому Коля боялся, что чуть что – арестуют. Щитовой монтер, Захарин Григорий, забыл отчество, много старше меня. Биография интересная: в 1914-м удрал от войны на иностранный корабль, плавал по всему миру. Надоело, обосновался в Штатах, переменил много профессий. Поддался на советскую пропаганду и при-

ехал «строить социализм». Потом проклинал тот день и час, а уж коммунистов поносил «от и до». Выглядел очень импозантно – лицо как у профессора, комбинезон светло-голубой с массой карманов и застёжек, читал английские книжки.

Только один человек на смене меня полностью игнорировал – старик-машинист. Ещё при Цусиме был машинистом на корабле. Лишь через год мне удалось заслужить его минимальное уважение: я пустил турбину после аварии, когда сам старик спасовал и отказался.

Мне удалось сплотить смену примерно за полгода. Потом до конца не знал забот, мог спокойно заниматься в своей конторке. Для этого не нужно всех гладить по головке и сюсюкать о личных делах. Матерные слова я знал с детства, но практику прошёл на станции. Теперь без употребления лежат эти слова. Вернее, перешли во внутреннюю речь. Очень помогают при операциях и конфликтах.

Как гудок прогудит, смену сдали, все собираются в «красном уголке» на пятиминутку. Начальник скажет несколько слов о работе, разберёт ЧП, если были, пожурит нерадивых, похвалит хороших.

Приятный момент на смене – еда. В полдень, а в вечерние смены – часов в шесть-семь заявлялся зольщик и спрашивал: – Коля, небось за обедом сходить?

Ему доставляло удовольствие поболтаться по поселку. Иногда что-то перепадало в столовой, наших зольщиков там знали. Рабочим пищу не носили, буфета или столовой не бы-

ло. Перерыв не полагался, ели тут же, где работают, чаще черный хлеб с кипятком.

Времена года очень отзывались на станции. Летом не работа, а удовольствие. Нагрузки маленькие: светло всю ночь, освещение не включают. Топлива избыток. Склад полон. Ходишь, бывало, по транспортерам, видно далеко, обдувает запахом древесины. На Севере тепло имеет особую прелесть, его все время ощущаешь как благодать. Но лето в Архангельске короткое – два месяца и снова пасмурно, тучи, дождь, холод. Зимой нам доставалось сполна – вечерний пик нагрузок и утренний пик. С трех часов и до восьми и утром – с семи утра до десяти – жмет диспетчер: давай 6000 киловатт! Турбины работают почти на пределе.

Но турбины что – им бы пар, а вот котельная в постоянной лихорадке. Требуется равномерная подача топлива и искусство ведения топки. Коля Михайлов дело знает, но топливом приходится обеспечивать мне: вот и бегаешь вдоль пассивов и транспортеров от станции на завод:

– Почему ленты пустые?

– Видишь, простой, лесу нет.

Бежишь на склад:

– Девочки, давай, давай, пар садится!

Девочки уже платки размотали, телогрейки сняли, свежую щепу подобрали, приходится ковырять старую, она смерзлась в камень. Сам покопаешь для воодушевления и согреву и снова на завод:

– Скоро топливо подадите?

– Да поди ты: тут план горит.

Я никогда не носил ватника, бегал в одной спецовке. Намерзнешься чуть живой – и на котлы к водосмотрам, в тепло. Постучишь по манометру: если стрелка идет кверху – можно вздохнуть. Счастлив, когда смену дотянешь, с графика не сползешь.

Быт. Именины. Сравнения

В комнате жили дружно, хотя без особой теплоты. Костя Квасков – электрик, москвич, интеллектуал. Масса анекдотов, историй, немецкие журналы читает. В январе 1933-го он первый просветил нас о Гитлере. Пашка Прокопьев – архангелогородец, модник, выпивоха. На третьей койке люди менялись – не помню. Еще был один приходящий – Володька Скрозников, старше нас, женатый, с завода. Добрый, прямой, картавый, низкорослый, матерщинник. Очень приятный.

Вечера и ночи – преферанс по четверть копейки с пивом. Пиво без карточек в главном магазине. Я играл без азарта, когда переходили на очко, отказывался твердо.

В начале декабря вспомнили про мой день рождения (19 лет). Денег не было, Володька снял со своей книжки последнее и купил вина. Первый раз в жизни попробовал – было противно, но пил и напился вдрызг. Не помнил, что было. Утром похмелье, рвота. Реакция осталась на тридцать лет – желудок не принимал. Этот рефлекс спас меня: у хирургов спирт всегда под рукой, спиться легко.

Вместо выпивок в моей жизни были отдушины – работа и чтение. Третья отдушина, любовь, уступала первым.

Хочется сравнить «век нынешний и век минувший». Вот эти впечатления, выверенные и взвешенные. Отношение к

труду было честное. Не воровали на производстве. Разводов было немного. Пили умеренно. Бедность – питались плохо, но не голодали. Одежду носили до износа. Жили в общежитиях и коммуналках. Преступность низкая.

Началась вторая пятилетка. Много было обещано, ничего не выполнено.

Болезнь мамы. Любовь. Дядя Павел

Когда начинал писать, казалось, все забыл. Потом пришло прояснение: последовательность событий, чувства, даже ключевые слова, по которым диалоги придумал.

Первый период в той комнате на четверых занял всю зиму. Это была адаптация к быту, освоение профессии, человеческих отношений. Настроение было неплохое. Тосковал по одиночеству. Редко удавалось одному подумать, кто-нибудь всегда в комнате разговаривал. Короткие письма писал маме каждую неделю, получал ответы.

Книги, конечно, читал. Библиотека на заводе была приличная. Приоделся. На базаре купил морской шлем (зюйд-вестку?), шнурованные сапоги и полушубок, а для выхода – желтые ботинки, экспортные, «Скороход»! Соседка сшила рубашку с приставными воротничками. Первый галстук купил. Карточка сохранилась с той поры: смешной мальчик!

В первую же зиму мне нашли хорошее дело: заниматься с рабочими, готовить их к сдаче техминимума. Сначала учил кочегаров, потом машинистов. Народ пестрый, но больше молодые с тремя-четырьмя классами начальной школы. Семилетка среди рабочих тогда считалась «образованием». Учились с удовольствием, занятий не пропускали. Экзамены сдавали комиссии. Волновались, я тоже. От кочегаров началось мое преподавание и на всю жизнь.

Так и прошла бы первая зима 1932/33-го, если бы не случилось несчастье: заболела мама.

Маме не везло до конца. Она умерла в пятьдесят два года от рака желудка. На боли в животе жаловалась давно, ездила в Череповец на рентген. Подозревали язву, не нашли.

В марте 1933 года на станцию пришла телеграмма: «Амосову: срочно выезжай, мать больна». Отпросился, подменился сменами, поехал. Тревога.

В Череповец приехал утром. Сразу же отправился пешком в Ольхово. Солнечный день начала марта. Что-то меня ждет? Жива ли? Всякие мысли приходят на ум, когда идешь зимней дорогой.

Неожиданно встретил их на середине пути. Издали узнал тетку Евгению. Сердце сжалось. Побежал навстречу. Мама лежала в санях, закутанная в тот самый тулуп, в котором ездила на роды. Лицо бледное, глаза закрыты. Поцеловал, открыла глаза, оживилась. «Коленька, Коленька!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.